

Джон Фишер⁴ сопоставляет четыре «семантических решетки»: время, пространство, персонажи, эпизоды (последовательность конфликтов — их разрешение). На одном конкретном примере Фишер демонстрирует сегментацию текста по четырем указанным признакам и анализирует сложные соотношения между полученными рядами, т. е. в конечном счете — между четырьмя «решетками». Пространственные фрагменты обычно оказываются больше временных, причем в отличие от временных, они часто повторяются. Повторение обязательно и в структуре персонажей, которую Фишер в отличие от пространственно временной структуры повествования сравнивает с контрапунктом в противоположность мелодии. К сожалению, Фишер так же, как и К. Берндт, совершенно не использует методику морфологического анализа, разработанную советским ученым В. Я. Проппом и получившую в настоящее время широкое признание на Западе. Для того чтобы по-настоящему оценить перспективы фишеровской методики, необходимо проверить ее не на одном тексте, а на большом материале.

Нет возможности в рамках настоящей рецензии останавливаться на других аспектах рецензируемого труда. В заключение следует только отметить, что данный труд, написанный рядом выдающихся этнографов, счастливо сочетая богатый опыт полевой работы с теоретическими поисками, при всей дискуссионности отдельных положений — своего рода вежа в изучении фольклора коренных народов Океании, Америки, Африки. К сожалению, эта интереснейшая область как на Западе, так и у нас до сих пор явно воспринимается как периферия и этнографии, и фольклористики.

Е. М. Мелетинский

⁴ Ср. его более раннюю статью: J. L. Fischer, *Sequence and Structure in Folk-tales*, в кн. «Men and Cultures», edited by F. G. Wallace, Philadelphia, 1960, стр. 442—446.

НАРОДЫ СССР

М. Г. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966, 133 стр.

М. Г. Абдушелишвили издал в 1964 г. обширную сводку материалов по антропологии Грузии, Армении и Северного Кавказа, собранных им и его сотрудниками во время многочисленных экспедиций, начиная с 1950 г. В этой работе, явившейся первым монографическим трудом, посвященным Кавказу в целом и заполнившим пробел в советской антропологической литературе, были опубликованы также собранные им палеоантропологические и краниологические данные. Однако данные эти были изданы лишь в виде таблиц и не были подвергнуты сколько-нибудь полному анализу, очевидно, из-за недостатка места. Рецензируемая книга восполняет этот пробел, давая широкое сравнительное освещение всем материалам по палеоантропологии Грузии. Для сопоставления привлечены как многочисленные данные советских исследований по палеоантропологии Северного Кавказа и Закавказья, так и зарубежные публикации по палеоантропологии Передней Азии.

Автор первым ввел в научный оборот палеоантропологические коллекции, собранные при раскопках известного Самтаврского могильника в Мцхете. Они были описаны в специальной монографии, опубликованной в 1954 г. и успешно защищенной автором в качестве кандидатской диссертации. С тех пор палеоантропологический материал из Самтаврского могильника непрерывно пополнялся в ходе новых раскопок. Одновременно с этим уточнялась его датировка и разбивка по периодам. Некоторые предварительные результаты повторного исследования были освещены М. Г. Абдушелишвили в нескольких предварительных сообщениях. Кроме разновременных серий из Самтаврского могильника, в книге описаны также сосредоточенные в Тбилиси коллекции, полученные при раскопках других могильников, но, правда, немногочисленные.

М. Г. Абдушелишвили развернуто излагает в рецензируемой книге свою концепцию расогенеза и расовой динамики на Кавказе, которую он уже высказал и частично аргументировал в предварительных публикациях и в книге 1964 г. Основное звено этой концепции — попытка вывести генезис автохтонного на Центральном Кавказе кавкасионского типа из древних типов, характерных для населения, хоронившего своих покойников в Самтаврском могильнике. Современные кавкасионцы, как известно, широколицы и круглолобые, древние люди Мцхеты — узколицы и длиннолобы. Различия в форме черепной коробки обычны при сравнении древнего и современного населения и легко могут быть объяснены брахицефализацией. Но для изменений ширины лица объяснение действием грацилизации — изменением во времени признаков, отражающих массивность черепа, неудовлетворительно, так как лицевой скелет более поздних черепов обычно уже, чем у более ранних, а не наоборот. Поэтому М. Г. Абдушелишвили пред-

положил, что в горах Центрального Кавказа изменение ширины лица во времени происходит не так, как на других территориях Советского Союза и эйкумены — лицо становится в более поздние эпохи не уже, а шире. Это положение аргументировалось с помощью сравнения последовательных во времени палеоантропологических серий разных эпох с краниологическими материалами по близкому к современности населению, которые также были собраны и описаны М. Г. Абдушелишвили. Вывод этот вносит новые чрезвычайно плодотворные точки зрения в теоретическое расоведение и, по мнению рецензента, заслуживает серьезнейшего внимания.

В нашей литературе укоренилось представление, согласно которому изменение признаков во времени идет в одном направлении, носит, так сказать, однозначный характер. Против этого представления неоднократно восставал В. В. Бунак, аргументируя свою позицию палеоантропологическими данными об изменении признаков у древнего населения Западной и Центральной Европы. М. Г. Абдушелишвили аргументирует аналогичный взгляд на явление временной динамики признаков, приводя ему свежее фактическое обоснование, опирающееся на новые материалы. Оно тем более заслуживает внимания, что аналогичный факт постоянства или даже некоторого увеличения ширины лица выявляется при сравнении населения эпохи бронзы Армении с современными армянами.

При всей высокой оценке гипотезы М. Г. Абдушелишвили для теории расоведения и плодотворности постулируемого ею подхода к временной изменчивости рецензент высказал о ней некоторые критические соображения, которые сохраняют, как ему кажется, свое значение и сейчас, после публикации полных материалов по палеоантропологии Грузии. Первое соображение — умозрительное, и заключается оно в том, что данные, полученные при изучении одного могильника в центральной Картли, по-видимому, неправомерно экстраполировать на все древнее население Грузии, где всегда было много самостоятельных этнических групп и где отдельные районы, особенно высокогорные, характеризуются большой географической спецификой. Неправомерность эта находит известное подтверждение и в историко-археологических данных, рисующих Мцхету как поселок городского типа, а Самтаврский могильник — как городское кладбище, может быть даже кладбище княжеской дружины и городских ремесленников, т. е. населения со специфической выборкой.

Второе — недооценка морфологического критерия. Разница в сантиметр в скуловой ширине не может не считаться у современного человека очень большой, практически она вмещает или почти вмещает межгрупповой размах в пределах монголоидного и европеоидного стволов. Допуская перестройку в таких масштабах, мы вынуждены закрыть глаза на многие убедительно доказанные случаи стабильности антропологических типов во времени. При сравнении близких по времени серий из Самтаврского могильника разница между ними по ширине лица статистически нереальна и приобретает статистическую достоверность только при сравнении серий эпохи бронзы и близких к современности, т. е. в том случае, когда преемственность между ними нуждается в специальных и очень серьезных доказательствах. Наконец, необъясненным остается и различие в ширине лица между современным населением равнинных и горных районов Грузии. Древнее население Мцхеты, трансформировавшись, превратилось в современных кавкасионцев и было отнесено в горы? Население равнинных районов имеет иное происхождение? Для объяснения этого нужны дополнительные гипотезы, требующие, в свою очередь, специального обоснования.

В качестве приложения к книге напечатана большая статья Э. Н. Джавахишвили «Сионская краниологическая серия (материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа)» (стр. 89—133). В статье описан очень обширный краниологический материал из многоярусного могильника у Сиони, на месте Сионского водохранилища. Весь материал может быть подразделен на три серии, относящиеся к разным хронологическим периодам — VII—X вв., XII—XIII вв. (в таблице сохранности материала на стр. 91—X—XIII вв., но это, очевидно, опечатка) и XVII—XVIII вв. Наиболее многочисленна серия XII—XIII вв. (больше сотни наблюдений), но и остальные также пригодны для сравнительного анализа: в серии VII—X вв. — около 20 черепов, в серии XVII—XVIII вв. — около 30. Могильник расположен довольно высоко над уровнем моря, и поэтому происходящие из него коллекции имеют непосредственное отношение к обсуждению тех вопросов трансформации антропологических типов во времени, которые поставлены М. Г. Абдушелишвили.

Э. Н. Джавахишвили не очень четко формулирует выводы, вытекающие из изучения находившихся в ее распоряжении краниологических материалов, но все же склоняется к признанию некоторого расширения лица во времени. Представленные ею данные, строго говоря, не подтверждают этого заключения. Скуловая ширина увеличивается в женских группах, но уменьшается в мужских, средняя ширина лица увеличивается, наоборот, в мужских группах, но уменьшается в женских. Верхняя ширина лица, правда, расширяется и на мужских, и на женских черепах, но на женских черепах расширение заметно только при сопоставлении серий VIII—X и XII—XIII вв. Абсолютное приращение размера невелико. Кроме того, не нужно забывать, что верхняя ширина лицевого скелета теснее связана морфологической зависимостью с шириной

черепной коробки, чем другие измерения ширины лица, а ширина черепной коробки увеличена в поздней серии по сравнению с ранней в связи с брахицефализацией. Единственное, что позволяет объективно констатировать опубликованный материал — это стабильность в ширине и пропорциях лицевого скелета, начиная с эпохи раннего средневековья и кончая XVIII в. Этот факт согласуется с представлением о консервации протоморфного типа в горах Центрального Кавказа в большей степени, чем с противоположной точкой зрения о расширении лица в поздние эпохи по сравнению с ранними на Северном Кавказе и в Закавказье.

Кстати сказать, Э. Н. Джавахишвили не вполне точно излагает разницу между точками зрения М. Г. Абдушелишвили и рецензента. Разница не в том, что М. Г. Абдушелишвили признает трансформацию кавкасионского типа во времени, а В. П. Алексеев отрицает ее (брахицефализация — тоже трансформация, а отрицание ее на Кавказе граничит с отсутствием здравого смысла), разница в понимании ведущего направления изменения. Для М. Г. Абдушелишвили ведущим является расширение лицевого скелета от эпохи к эпохе по мере приближения к современности, для меня главное в формировании кавкасионского типа — стабильность во времени основных признаков на протяжении тысячелетий.

Сделанный обзор содержания рецензируемой книги и высказанные критические замечания иллюстрируют важность обсуждаемых в ней проблем для теории расоведения и высокое качество использованных палеоантропологических материалов. Критическое обсуждение затронутых М. Г. Абдушелишвили вопросов показывает, что многие кардинальные темы кавказской антропологии не допускают пока однозначного решения из-за состояния фактических данных. Смелая постановка этих вопросов сейчас, несомненно, стимулирует дальнейшее исследование в этой области. Но уже и в настоящее время достигнутый уровень разработки антропологии Кавказа позволяет оценить новую книгу М. Г. Абдушелишвили как значительный вклад в литературу по антропологии СССР.

В. П. Алексеев

Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М., 1966, 210 стр.

Среди курдологических работ последнего времени рецензируемый труд Т. Ф. Аристовой безусловно привлечет к себе внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. На первый взгляд, эта книга посвящена сравнительно узкой теме. В самом деле, в советском Закавказье проживает менее 1% всех курдов (59 тыс. по переписи 1959 г.). Примерно таким же, видимо, будет соотношение курдов с коренным населением Армянской и Азербайджанской ССР, где они в основном проживают. Кажется, изучение курдов СССР не сулит значительных перспектив для курдоведа и этнографа.

Книга Т. Ф. Аристовой доказывает обратное. Приведенный в ней материал, хотя и относится к весьма малочисленной этнической группе, позволяет сделать важные обобщения не только историко-этнографического, но и политического характера. Главной удачей автора является правдивый показ социальных и материальных условий жизни закавказских курдов в социалистическом обществе. Современная жизнь их, всесторонние достижения в области быта и культуры отображены достаточно полно и дают богатую пищу для сравнений. Пример советских курдов выглядит особенно убедительным, если вспомнить, как живут их соотечественники за рубежом.

Книга Т. Ф. Аристовой является первым сводным трудом в области этнографии советских курдов. Предшествующие работы, в том числе и самой Т. Ф. Аристовой, касались лишь частных вопросов или же были далеки от этнографической тематики¹. Автору удалось умело обобщить все основные литературные данные по курдам. Однако при всем значении этих данных, не они определяют познавательную ценность рецензируемой книги. В основе исследования лежит собранный автором во время экспедиций полевой материал, с помощью которого автор не только с большой полнотой характеризует быт и материальную культуру современных закавказских курдов, но и много дает для понимания их прошлого. Благодаря наличию материалов непосредственного наблюдения, работа Т. Ф. Аристовой сама может стать источником для последующей разработки указанной темы.

Метод исследования, который выбрал автор, — сравнительно-исторический (что стражено и в подзаголовке книги). В одних случаях материал исследуется в строго хронологической последовательности, в других — прошлое привлекается автором только для сравнения. Однако и в том, и в другом случае, сравнивая прошлое с настоящим, автор смог показать достижения закавказских курдов в области материальной и духовной культуры и быта на всех основных этапах развития советского общества.

¹ Из последних хочется выделить работу Х. М. Чатоева «Курды советской Армении. Исторический очерк (1920—1940)», Ереван, 1965. Однако в этой книге собственно этнографического материала почти нет. К тому же автор ограничил свою задачу узкими локальными и хронологическими рамками.